

Евгений Триморук
Выбор смерти

Второе издание

Евгений Триморук

Выбор смерти. Второе издание

«Издательские решения»

Триморук Е.

Выбор смерти. Второе издание / Е. Триморук — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937172-0

На острове Адск доктор Винсент ван Фрейд проводит необычный эксперимент. Каждый желающий может выбрать себе смерть по своему усмотрению. На чем же остановится невольный доброволец Константин Кириллов?

ISBN 978-5-44-937172-0

© Триморук Е.
© Издательские решения

Содержание

ВЫБОР СМЕРТИ	6
I	6
II	9
III	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Выбор смерти

Второе издание

Евгений Триморук

Редактор Юрий Петрович Бень

© Евгений Триморук, 2018

ISBN 978-5-4493-7172-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор:

Триморук Евгений

Электронная почта:

trener200686@mail.ru

trener200686@gmail.com

ВЫБОР СМЕРТИ

В ту ночь, когда он умер, мир обеднел на десять миллионов поступков.

Рэй Брэдбери, «451 градус по Фаренгейту».

I

Жизнь до выбора смерти, ее тягучей точки представлялась Константину Кириллову чем-то predetermined. Близость смерти – ее тенью.

Глядя из окна «Клуба самоубийц имени Фазиля Мухтара», где был почетным гостем последние годы, Кириллов размышлял именно об этом, испытывая сильное похмелье, которое и приводило его к таким тяжелым мыслям. Все его существо было пронизано этой близостью.

Кириллов с первых лет обучения в школе испытывал странную притягательную силу к тому, чтобы умереть самостоятельно. Он думал об это с утра, он думал об это во время еды, он засыпал с мыслью, что больше не проснется.

С восьми лет Константин определил, на что и куда он потратит свои силы: до шестнадцати на учебу и спорт, до двадцати четырех – карьеру и разврат, до тридцати двух – на творчество. А потом – свобода.

Кириллову не нравились ориентиры многих творческих людей, которые страдают пресловутой заезженной бессонницей, преклоняются перед убогой и мертвящей тишиной и возносят свой жалкий и хлипкий подбородок на манер завоевателя Мартина Антония.

Как они, эти тщеславные герои собственного воображения, как и сам Кириллов, рассказывали о вечности и бессмертии, словно были действительно и безусловно избранными. Кириллов подобного откровенно не понимал, подозревая в себе близкое подобие к схожему мышлению и поведению. Он пытался и выдумать, и поверить, но ничего не получалось. Уж сколько раз ему доводилось приблизиться к этому, только ему известно.

Конечно, Кириллов утвердился в своих убеждениях, когда двоюродный брат Хеля, Рудольф Рыжий-второй, повесился на окне восьмого этажа, хотя он, Рудольф Рыжий, как считал Константин, больше страшился одиночества и призраков будущего. Марина Цвейг, решившая скрыться от многочисленных поклонников у пассивного однокурсника, неожиданно восплававшего к ней, тут ни при чем.

И вот настал последний месяц и еще один день кирилловского отсчета, когда требовалось заверить последние исправления, которые Кириллов не единожды путал, менял, дописывал. Правда, и тут доктор Винсент ван Фрейд (чтоб наверняка) подкинул пару исходов его убедительной смерти.

Очень уж доктору нравились результаты. Кириллов был последним. И проект должен быть вот-вот завершиться. Ван Фрейд словно вглядывался в зеркало будущего, в котором от самодовольства и радости отражалась глубина его морщин.

Идеальные расчеты былых добровольцев казались менее идеальными. Он же, доктор Винсент ван Фрейд, восторгался данными Кириллова, такими безупречными, такими волнующими, такими, безусловно, поэтичными. С ним-то он, доктор ван Фрейд, точно не прогадает.

Все остальные (или почти все) уже давно почивали в вечности эксперимента. Особенно, когда подписали договор. С теми было все-таки проще, с небольшими отклонениями. Кириллова эта история с погрешностями должна миновать. Но и сам Кириллов как будто сомневался. Как будто что-то задумал. Не совсем был откровенен с куратором. И это ван Фрейда несколько корбило. Кандидатура хорошая, но строптивая. Приходится убеждать.

– Тебя сбивает метробус. Ниоткуда, – вдохновенно заявил доктор, – такой хитрец. – Он горел, оценивая, что сделает Кириллов с чертовой спичкой. – По-моему, прекрасная смерть. – Подобострастный и безумный ван Фрейд посмотрел на Кириллова, ожидая увидеть кивок и признание такого быстрого и безукоризненного решения, – ведь все-таки за что заплачено, за темно-карие глаза, что ли?

Кириллов колебался. Вел себя очень замкнуто, что уже начинало раздражать ван Фрейда.

– Никакого масла масляного. Никакого прорицания от Венеры до Канта. – Тут доктор в своей манере вознес указательный палец вверх, по нему улавливая направление ветра. – Даже за смерть нужно платить своевременно. Мы же тебе предоставили все возможности, так что, будь добр, – но Кирилловне вчитывался в мимику доктора, который был поглощен экспериментом.

– А, – хотел было сказать Кириллов.

– Как в «Андре Каренине», разве не так? – Подхватил ван Фрейд с претензией на то, что знает смысл существования Кириллова, те книги, которые он себе установил дописать до точки отсчета, до завершения проекта «Предложение смерти».

– «Анне Карамазовой», – поправил Константин, сломав кривую спичку, и тут же вспомнив, что, возможно, ван Фрейд говорил об «Эмме Карениной», но решил промолчать, отбросив в сторону навязчивый образ Генрих Габлер.

– Да хоть так. – Не унимался настырный ван Фрейд. – Мне еще нравится нож в сердце от нерадивой любовницы, например, Джульетты Лондон, – произнося, как Жульен Ло, – или Гедды Ганской-младшей? – Снова вознес палец, ищущий ветра. – Обе жаждут твоей смерти. – Доктор не отступал. – Яснее всего в памяти всплывает картина, когда ты на коленях. Но это. Какие картины они рисуют, окочуришься. Даже двусмысленно получилось. Знали бы они, что ты и так скоро умрешь. – Тут он по-геенски хихикнул. – Вот дуры, да?

– Как посмотреть.

– Ты в явном фаворе еще у троих, – доктору было неудобно повторять слова, которые казались модными, но так чесалось их повторить, – одной фанатки-студентки или невинной школьницы, написавшей тебе подробный дневник (его бы рекомендовал тебе, хе-хе, парадокс, вставить в свои тексты, но куда уж), о дефлорировании...

– Дефлорации.

– Да, дефло, в общем, «Дневник недотроги», и даже... – Как будто что-то вспомнил. – Я бы назвал «Любовница евгетского коллекционера», – Кириллов отклонил голову, – да уж что мне. О, прости. Ты такой... – Именно гомофобию доктор ван Фрейд все-таки (честно) приписывал Кириллову, но толерантно стеснялся указать на это своему подопечному.

Кириллов изо всех сил старался не признаваться, что с ним происходило в былые годы. И это сильно влияло на программу, которую предлагал ван Фрейд. Известное, произнесенное вслух, влияет на наше сознание. Нам всегда кажется, что нас знают. О своих попытках умереть Константин упорно молчал.

– Тогда я бы предложил, – ван Фрейд перескакивал одной мысли на другую. – Но это совсем нелепо. – Театрал театральничал. – Надеюсь, не ошибка в подсчетах. Ты упадешь с лестницы. Вижу, наконец, ты заинтересовался.

Константин задавался вопросом: какого черта он здесь делает, и зачем ему помощь, когда он в ней не нуждается? Он все-таки не Винсентван Фрейд.

– Как? Один пролет. Сломанная шея. Долго, конечно, будешь лежать. Все по договору. Все по контракту.

Другие добровольцы вели себя на манер Артюра Элджерона. И Хель со своими нотациями и цитатами не вылетал из головы Кириллова. И снова Генрих Габлер. Чертова Герда. Герда. Герда. И Мисима-Монро. И Стефания Цветаева. И он, Константин Кириллов, допустил ошибку, когда решил стать проще, правильнее, доступнее. Парадокс.

– Обычно предпочитают лифт. – Звенел где-то голос доктора. – Ох, уж этот евгетский, этот звездный язык. Моя куртизанка меня заездила.

– Баран. – Подумал Константин. А вслух тупо и неестественно пошутил, – какая куртизанка? – зная, что не умеет шутить. Никогда не умел.

– Ошибешься в ударе – день насмарку. – Доктор ван Фрейд весь в себе. – Ей, видишь ли, нравится, когда говоришь правильно. «Торты, шарфы, доски». Ударение, ударение, ударение. И тебе обеспечен выходной выпуск на поляне. – Доктор закатил глаза, представляя себе картину. – Как из «Облако в штате Сан-Франциско» Александры Сергеевны Есениной.

– Владимира Владимировича Акутагава, – совсем решил поиздеваться Кириллов.

– Что говорить о сложных конструкциях и исключениях.

– И не в штате, а в штамме.

– У неё был репетитор, товарищ Синтаксис, так там, вообще, туши свет, ешь дошик.

– Вчера умер третий, Ганнибал Ганди, – прыснул Кириллов.

– Что? – отреагировал ван Фрейд. Он стал размышлять. Глазки нервно забегали. Один доброволец стоял перед ним, другой мог нарушить договор.

– Все время о нем говорит. – Выплюнул хвост фразы доктор ван Фрейд. – И это, знаешь ли, как-то. – Пожевал губами. – В общем, держи список. – Заключил доктор. – Контракт ты знаешь. По договору через неделю ты должен умереть. – Заключил он, потирая острую седую бородку. И в руках Константина оказалась толстенная папка с условным названием «Волевой выбор». – Тебе поставят памятник, – чуть ли не выкрикнул, убегая доктор Винсент ван Фрейд.

Кириллов так и не смог прочесть третье слово, которое присутствовало на обложке, потому что оно было заляпано клеестым, как в фильмах про пиратов Адова моря, пятном от клюквенного сока, хотя это был виноградный сироп.

Четвертое – прыжок с высоты. Это очень прельщало Кириллова. Он давно хотел въяве попробовать подобное, ценою во всю жизнь. Как там у братьев Смердяковых? Человек, нырнувший с самолета, насыщается всей жизнью до конца полета.

Пятое – случайный прохожий, убитый горем, кидается на Константина и случайно убивает его.

Шестое – совсем странное, потому что присутствовал какой-то мистицизм, уходящий корнями в литературу.

Седьмое, что уж совсем анекдотично, камень с крыши.

Вот, восьмое. Самое верное, решил Кириллов, устремляясь по улице Дионисия к бару «У Макбет». Здесь Константин и дождетс любой из предназначенных и безусловно-безупречных моделей собственной смерти. А пока будет думать, что успел сделать за последние восемь лет и успеет в последующие.

II

Город Адск – звучит словно Гадск, что неверно, – как считал ван Фрейд, псевдотририец (не путать с воинствующими триммерийцами) славился групповыми экспериментами сомнительного свойства. Земля слухами полнится. Остров тем более. Выживших на нем в начале второго тысячелетия считали едва ли не святыми. Правда, некоторые в беседах тет-а-тет, дневниках, заметках как будто случайно, очень аккуратно добавляли: не очередной ли это проект именно тех, кто оттуда вернулся?

Конечно, времена изменились. Но остров вызывал крайнее любопытство. О нем снимали документальные фильмы и сериалы, но вряд ли бы кто-то мог утверждать, что он приблизился к тайнам Адска.

Не будь ее, пресловутой загадочности, никто бы, собственно, и не стремился переезжать в город, полный двусмысленных настроений и недомолвок на рубеже следующего столетия.

Внешний ужас сменялся внутренней защищенностью. Это считалось чуть ли не парадоксом существующего города, острова, тюрьмы, исследовательского центра под одноименным названием «Адск».

Самое возмутительно нелицемерное, хоть и нелицеприятное место, когда в глаза говорят жгучую правду, смешанную с собственным мнением, приперченным цинизмом. Человек мог застрелиться в толпе ТЦ «Цербер», приветливо сказав несовершеннолетней, что у ее отца явные признаки нездорового созревания. Другой, заскочив в примерочную со случайной знакомой, после ее ухода, с отстраненным выражением лица, вскрывал себе вены. Третий и вовсе разыгрывал сцену, после которой больницы Адска пополнялись людьми, измученными ночными кошмарами. И все это только поглаживание. Изощренная смерть считалась искусством. Поэтому сюда устремлялись те, кто готов был красиво умереть.

Да и администрация города при необходимости снижала дотации и налоги. Бюджетной здесь была не только смерть.

III

Кириллов подпал под очарование Генрих Габлер, давно убедившись, что его заводит чтение художественной литературы как в интеллектуальном, так и в физическом смысле. Никакие дозы «Оркуса» и его заменителей так на него не воздействовали, как прочтение «Эммы Карениной», и даже не те сцены, где она совращала одного кавалера за другим, оставляя их в полном недоумении со спущенными штанами, за что по одной из ранних версий автора и должна была повеситься.

И в какой восторг он впал, когда Генрих решила ему прочесть свою пьесу «Дело Катерины Карамазовой». В сочетании со «Статичной» молчаливый Кириллов, рациональный Кириллов, сдержанный Кириллов, проникся самой божественной страстью, смешанной с подбострастием и деспотизмом. Он заставлял Генрих унижать себя. Указывал ей, как ему нравится... И требовал, чтобы она читала, не обращая на его приставания никакого внимания. Больше всего ему нравилось, когда она усаживалась в кресло и руках держала открытую книгу, распечатанные рукописи. Тогда он подползал к ее ногам, целовал колени. И начинал «исследование», понимая, что и юмор его плоский, и что он вовсе Генрих не нравился. Ее же мысли были несколько книжными и отстраненными. Ответы не удовлетворяли Кириллова. Он хотел, чтобы она говорила с интонацией, которая звучит в его голове. У нее выходило несколько грубо, сухо и стеснительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.